

Книга о Достоевском

Творчество Достоевского сложно и противоречиво. Писатель сталкивает в одном и том же романе людей, которые с глубокой и страстной убежденностью отстаивают диаметрально противоположные решения основных жизненных вопросов.

Это давало основания читателям и исследователям Достоевского совершенно по-разному воспринимать его творчество; одни видели в нем атеиста, бунтаря, революционера, подрывающего все основы буржуазного общества, другие — реакционера, апологета самодержавия. В частности иррационализм Достоевского был использован идеалистами и мистиками всех сортов.

Творчество Достоевского — огромная сила. Эту силу нам следует понять и оценить. Нельзя отдавать Достоевского мистикам и реакционерам, которые превращают в догму его слабые стороны. Изучая наследство великого писателя, нужно отделить его реакционную апологию терпения, покорности и страдания от его страстного протеста против социального зла.

Основное достоинство работы В. Кирпотина в том, что автор все время рассматривает творчество Достоевского в его противоречивости и — одновременно — единстве. В работе В. Кирпотина нет той непреодолимой пропасти между молодым и зрелым Достоевским, о которой столько писали прежние исследователи. В. Кирпотин, конечно, не отрицает перелома в мировоззрении Достоевского, но устанавливает, что и в раннем периоде творчества, в 40-е годы, наряду с глубокой верой в бедных людей, в несчастьях которых повинен существующий порядок, у писателя «прораскальзывали ноты сомнения в человеке».

Исследователь не просто переводит писателя из революционного стана в лагерь реакции, как это часто делалось, он учитывает диалектическую сложность творчества Достоевского. Своим анализом он убеждает, что и после того как Достоевский перестал верить в революцию, он все же продолжал ощущать справедливость своих юношеских идеалов, «причем начало социального протеста, заложенное в лучших созданиях Достоевского, оказалось сильнее, чем ошибочные и даже реакционные выводы, к которым он стал стремиться как мыслитель».

Противоречивость Достоевского находит свое выражение и в частом разрыве между замыслами писателя и их художе-

ственным осуществлением. В. Кирпотин правильно отмечает различие между реакционными тенденциями Достоевского в «Униженных и оскорбленных», в «Преступлении и наказании», в «Идиоте» и тем, иногда даже революционным, восприятием его произведений передовым читателем, которое было совершенно неожиданно для самого Достоевского, хотя в произведениях его имелись все основания для такого толкования. Нам представляется, что эти противоречия следовало бы показать и на материале «Братьев Карамазовых». Надо было бы сказать о том, что здесь Достоевский, желая утвердить победу старца Зосимы, в то же время показывает действительную победу атеистических и бунтарских доводов Ивана Карамазова, которые выражены с большей художественной убедительностью, чем реакционные элементы в рассуждениях того же Ивана Карамазова. Следовало и здесь подчеркнуть противоречивость Достоевского, который заставил своего положительного героя Алешу, последователя учения о том, что зло должно быть побеждено смирением и любовью, потребовать расстрела генерала, затравившего мальчика собаками.

Иногда автор, говоря о молодом Достоевском, смешивает свое восприятие его произведений с замыслами самого Достоевского, что приводит к излишнему революционизированию мировоззрения Достоевского 40-х годов. В. Кирпотин своеобразно интерпретирует такие произведения, как «Белые ночи» и «Неточка Незванова», раскрывая в них новые стороны. Однако трудно согласиться с авторским толкованием замысла «Неточки Незвановой», как перехода от пассивного мечтательства к активному героическому делу, чуть ли не к революционной борьбе. Даже в 40-х годах многое отделяло Достоевского от Герцена и Белинского, и нельзя ставить их в один ряд. Это несомненное преувеличение.

В. Кирпотин прав, конечно, когда он пишет о потере у Достоевского веры в революцию. Но здесь обязательно надо было учесть разочарование Достоевского в результатах буржуазной революции 1848 года на Западе. То немногое, что сказано о «Записках из подполья» без ссылки на влияние 1848 года, кажется нам несколько однобоким.

Однако эти возражения не изменяют общей положительной оценки работы, в которой творчество одного из корифеев критического реализма XIX века рассмотрено во всей своей противоречивости и в тесной связи с идейной борьбой его эпохи.